

Фольклористика

Научная статья

УДК.398.221

DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-362-373

EDN: MLXHRP

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДАСТАНА И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОТСТУПЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ «СКАЗАНИЯ О ДОЧЕРИ ШАНА» МИКАИЛЯ БАШТУ)

Империят Арсланбековна Халипаева¹,

Бурхан Абуусуфович Берберов², Адам Мухамедович Гутов³

¹ Дагестанский государственный педагогический университет им. Расула Гамзатова, Махачкала, Россия, turkdgpu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7362-3300>

^{2,3} Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия

² burhan_berberov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5417-8144>

³ adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7526-3719>

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются образы мифологических персонажей и с точки зрения фольклористики интерпретируется текст дастана «Сказание о дочери Шана», автором которого считается древнебулгарский поэт и просветитель Микаиль Башту. Сверхзадачу своего дастана – обращение язычника в мусульманскую веру – автор решает с помощью ряда художественных приемов, среди которых важное место занимает сновидение, что в равной мере свойственно и архаическому фольклору, и древней восточной литературе. Силы добра и зла, любви и неприятия, продолжения рода, выраженные концептом «женщина» указывают на древнейшие пласты традиционной бытовой культуры тюрков, а трансформация этих образов в божественные силы исламского толка позволяет проследить, каким образом тюркские народы переходили из одной религиозной ипостаси в другую. Жанровая дефиниция произведения определяется посредством анализа его поэтики. В частности, рассматриваются особенности сюжетосложения и художественного языка.

Ключевые слова: мифологическое сказание, сюжет, дастан, персонажи, метафора, авторский стиль, интерпретация.

Для цитирования: Халипаева И.А., Берберов Б.А., Гутов А.М. Особенности интерпретации дастана и мифологические отступления (на материале «Сказания о дочери Шана» Микаиля Башту) // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 3. – С. 362-373. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-362-373. EDN: MLXHRP.

© Халипаева И.А., Берберов Б.А., Гутов А.М., 2024

Original article

**FEATURES OF THE INTERPRETATION OF DASTAN
AND MYTHOLOGICAL DIGRESSIONS
(BASED ON THE MATERIAL OF THE "LEGEND
OF THE DAUGHTER OF SHAN" BY MIKAIL BASHTU)**

Imperiyat A. Khalipaeva¹, Burkhan A. Berberov², Adam M. Gutov³

¹ Dagestan State Pedagogical University named after Rasula Gamzatova, Makhachkala, Russia, turkdgpu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7362-3300>

^{2,3} The Institute of Humanitarian Studies is a branch of the Kabardino–Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

² burhan_berberov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5417-8144>

³ adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7526-3719>

Abstract. This article examines the images of mythological characters and interprets the text of the dastan “The Tale of Shan’s Daughter” from the point of view of folklore studies. The author of the dastan is considered being the ancient Bulgarian poet and educator Mikail Bashtu. The author solves the super-task of his dastan - the conversion of a pagan to the Muslim faith - with the help of several artistic techniques, among which an important place is occupied by a dream, which is equally characteristic of archaic folklore and ancient Eastern literature. Forces of good and evil, love and rejection, procreation, expressed by the concept of “woman” point to the most ancient layers of traditional everyday culture of the Turks, and the transformation of these images into divine forces of the Islamic persuasion allows us to trace how the Turkic peoples passed from one religious hypostasis to another. The genre definition of the work is determined through the analysis of its poetics. In particular, the features of the plot structure and artistic language are considered.

Keywords: mythological tale, story, dastan, characters, metaphor, author's style of interpretation.

For citation: Khalipaeva I.A., Berberov B.A., Gutov A.M. Features of the interpretation of dastan and mythological digressions (based on the material of the "Legend of the Daughter of Shan" by Mikail Bashtu). In: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 3. – P. 362-373. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-3-362-373. EDN: MLXHRP.

© Khalipaeva I.A., Berberov B.A., Gutov A.M., 2024

Введение

Как известно, отношения содержания и формы является одной из ключевых проблем литературоведения. Можно определить три наиболее распространенные исходные позиции, выбираемые разными исследователями для ее решения. Одна исходит из представления о приоритетности содержания относительно формы. Вторая интерпретирует соотношение данных категорий противоположным образом, акцентируя внимание на форме. Третий подход вовсе предлагает воздерживаться от употребления самих терминов «форма» и «содержание» в плане их корреляции. Предпосылкой для такого теоретического воззрения является общепhilosophical тезис о единстве содержания и формы. Поскольку такое единство констатируется как аксиома, постольку как бы отпадает сама собою и потребность в использовании названных понятий и, следовательно, дифференцированного рассмотрения вопроса об их взаимоотношениях. В данной работе мы не ставим себе целью внести лепту в решение этой сложной теоретической проблемы, однако в анализе конкретного текста считаем возможным выбрать своим ориентиром идею о нераздельности сути этих двух понятий.

Основная часть

Вопросы, связанные с характером отношений между содержанием самих данных терминов, проявляются с наибольшей очевидностью в сюжетно-

композиционных особенностях классических произведений, в том числе в восточной поэтике, где еще в Средние века художественные поэтические стили достигли достаточно высокой степени своего совершенства. В этой связи уместно будет заметить, что, согласно канонам жанра, сюжет, фабула и композиция дастана обычно во многом совпадают, то есть форма и содержание находятся в полной гармонии, а хронологически ход излагаемых событий их актуализация соответствуют естественному течению художественного времени почти на всем протяжении повествования. Однако при этом внутри самого сюжета нет особых препятствий для проявления признаков авторского своеобразия, если, разумеется, это не разрушает принятых канонов жанра и не разрушает стройности всего произведения. Поэтому здесь можно встретить в виде вставок такие художественные приемы как сознательно используемый анахронизм, авторское отступление, которые сами по себе являются композиционно относительно завершенными, а вместе с тем порою заимствованными в готовом виде из других источников – хронографических, религиозных или литературных. Очевидно, что каждое из этих отклонений от основного сюжета может иметь свое, свойственное только ему, художественное ядро, иногда даже резко отличающееся от главной сюжетной канвы. Однако при этом гармония между отдельными частями произведения не нарушается, композиционные элементы сохраняют гармонию между собою.

Как часто случается, с принятием новой, монотеистической, религии прежние мифологические объяснения происхождения явлений действительности вытесняются библейско-коранической интерпретацией. Так, например, природные катаклизмы могут интерпретироваться не иначе, как возмездие за те или иные прегрешения, за нарушение предписанных Создателем нравственно-этических норм жизни. В дошедших до нас фрагментах мифологических сюжетов, сохранившихся в тексте дастана, находятся старательно затушеванные отголоски представлений, широко распространенных в доисламские времена и, что естественно, связанных с древнейшими языческими поверьями, культами, символами. В них отражаются также и основные формы хозяйственного уклада, и идеологические воззрения древнего человека.

Хорошо известно, что мифологические, космогонические предания и легенды, в свое время подвергшиеся значительному переосмыслению под влиянием ислама, сохранялись в фольклоре народов Дагестана до второй половины XX в., хотя чаще всего – только в памяти старшего поколения. В результате изустного бытования и эволюции общественного сознания многие из таких преданий потеряли свои первоначальные функции, их сюжеты и мотивы в трансформированном виде секуляризовались и отчасти проникли в жанры фольклорной прозы, причем сказочной и несказочной. На этом фоне тем более ценен болгарский памятник Раннего Средневековья – дастан «Сказание о Шанкызы» (дочери Шана) Микаила Башту, потому что именно в данном произведении с особой очевидностью сочетаются бережное отношение к сюжетам, рожденным верованиями доисламской древности и отношение к единобожию как единственно верному пути.

При первом знакомстве с текстом не сразу становится очевидным, что перед нами – древнебулгарский эпос, подлинно литературное произведение или нечто третье. По тому факту, что имя автора обозначено, то есть уже налицо авторское сознание как фактор, это действительно надо признать литературным произведением, но по содержанию и стилю изложения можно говорить о нем, как и о героическом эпосе, и историческом сказании, и о произведении клерикального плана. Но, несомненно, одно – это завершенное, сюжетно стройное произведение, одной из основополагающих тем которого можно считать тему любви. Иное дело – какую интерпретацию этой темы предлагает автор. Помимо того, важно иметь в виду, что использование фольклорного сюжета, в частности сюжета эпического, это одна из родовых особенностей дастана как явления литературы.

Достойно быть отмеченным, что в самом названии произведения заявлена тема истории о дочери Шана, что типично для литературной поэтики как Востока, так и Запада. Между тем «Сказание» начинается в стиле устно-поэтической традиции, как это принято в фольклорных произведениях эпического характера: традиционный зачин-экспозиция, где содержится популярный прием обращения сказителя (здесь – автора) к слушателю или читателю. Там же во главу угла выдвигается тема, которая на первый взгляд, будто бы далека от обозначенного названия, и только далее все расставляется по своим местам:

... удивительный дастан

Про трех эльбиров

... как они образовали

Великий народ болгар

(здесь и далее цитаты из дастана по изданию «Микаиль Башту. Сказание о дочери Шана. Древнебулгарский эпос. Махачкала, 2003) [Микаиль Башту 2003].

Сюжет первой части построен, что очевидно, на мифах древних болгар, рассказывающих о тенгрианском пантеоне богов, об их функциях и взаимодействии в тех или иных конкретных случаях. Так, примечательны отголоски мифов о сотворении первых людей. Далее в главах первой части излагается мофольклорная информация о происхождении тюрков как родоначальников болгар, об их языческих верованиях, о святынях, землях, божественном происхождении. Все это изложено без углубления в детали. В то же время оно пока еще довольно далеко от основного пафоса дастана – утверждения идеи единобожия. После небольшого зачина, в экспозиции, дается более развернутая характеристика древнетюркских языческих представлений о системе мироустройства, согласно которой до появления первых людей на земле жили боги и алпы. Здесь напрашиваются типологические параллели с более древними культурами, в их числе с древнегреческой и древнеиранской. Во всяком случае, такие ассоциации вполне закономерны, если не сказать, что многие сходства очевидны. Вообще космогоническое начало древней мифологии – это неременный атрибут всякой цивилизации. Дело в том, что древним людям любого места обитания и любой этноязыковой принадлежности необходимо было как-то аргументировать происхождение земли, светил, окружающей среды и жизни вообще. Поз-

же, когда древние цивилизации вступили в стадию общинно-родовых отношений, религиозные представления различных этноязыковых сообществ стали более разнообразными.

Согласно дошедшим до нас сведениям, Микаиль Башту начал писать поэму предположительно в 881 г., как можно предположить, по мотивам не дошедшего до нас старобулгарского народного устного героического эпоса. Что в основе сюжета лежат мотивы именно эпические, очевидно из многих конкретных деталей, разбросанных по тексту, а также по некоторым личным именам и отголоскам языческих верований.

Рассмотрим некоторые авторские отступления, органично вписывающиеся в сюжет, но при этом композиционно самостоятельные, разделив их на тематические группы.

К первой тематической группе мы бы отнесли мифологические нарративы и их интерпретацию в тексте. Это, пожалуй, самый древний пласт, в котором отражены фрагменты некогда более стройной системы мировосприятия ранних тюрок. Ко второй – историко-религиозные отступления, порою опирающиеся на известные исторические или же религиозные (языческие и монотеистические) источники. Третья группа – это собственно авторские отступления как выражение позиции самого поэта. Все они связаны между собой довольно тесно и, переплетаясь, в совокупности образуют основную канву сюжета. Каждая из этих тематических групп характеризуется внутренней сюжетно-композиционной завершенностью. Уже часть первая дастана [Абдулатипов, 22] включает в себя примеры всех трех выделенных нами групп. И хотя она называется «Деяния алпов и джинов», в ней содержится много другой информации, то есть не только мифологической, как можно понимать из самого названия части. Из двенадцати глав первой части – две, восьмая и одиннадцатая, – не содержат апелляций к тюркской мифологии, не имеют ни отношения к языческой проблематике, ни типологических сюжетных параллелей, проявленных в повествовании или упоминаемых ритуалах. Они выступают как сугубо религиозное (панисламское, 8 глава) и квазиисторическое (авторская интерпретация появления народа хонов) толкование явлений. Десять глав, за исключением двух вышеупомянутых составляют основную сюжетную линию, то есть ту, которая вынесена в название первой части, однако в каждой из них есть свои отступления мифологического плана, выступающие как своеобразные «биографии» значимых персонажей.

Такова, например, характеристика Алпа Хурсы: «Его (оружие) сделал для них (для алпов, которые стали враждовать из-за тесноты) // Сын Солнца (старший алп, первый, которого создал Тангра, верховное божество тюрко-монгольских языческих верований) Алп Хурса // Был отменным кузнецом, // Исходил всю Землю // В поисках руды // Для своей кузницы [Кадыраджиев, 78-79].

Авторское отступление использовано здесь для того, чтобы объяснить появление оружия, и в этом случае не обходится без апелляции к этиологическому мифу. То же относится и к Куропатке – основательнице всего рода человеческого, алпу Бояну, от потомков которого, согласно древним верованиям, пошла земля болгарская; все, что связано в дастане с образом Бояна можно соот-

нести с лирическим отступлением автора, который не жалеет эпитетов, описывая рождение и жизнь названного алпа. И это неслучайно, потому что эльбиры, главные герои дастана, его прямые потомки, да и само понятие эльбир – это не просто синоним слова богатырь: за данным понятием имеется в виду новое в номенклатуре персонажей восточной поэтики, нечто среднее между языческими богами и обычными «земными» людьми. Типологически напрашивается параллель между эльбирами и древнегреческими мифологическими героями. Как известно, в греческой мифологии герои – создания своего рода медиальные между бессмертными небожителями и обычными людьми, поскольку считается, что они рождены от связи богов с людьми, поэтому в них соединены родовые особенности тех и других.

Эпическая «биография» Бой-Терека представляет его персонажем именно такого типа: он выступает в защиту простых людей, предупреждает их об опасности, поддерживает тех, кто попал в трудное положение, любит творить добро. Аналогичную характеристику героя нетрудно найти в эпических памятниках многих народов мира, и это еще раз свидетельствует о вероятных фольклорных истоках дастана.

Заметим, что персонаж Бой-Терек – мифическое существо, почитаемое в тюркской культуре фактически до настоящего времени. Подробно останавливаясь на образах алпов, автор преследует определенную цель. Все эти мифические персонажи продолжают активно действовать и тогда, когда в сюжет будут введены главные герои – эльбиры, совершающие подвиги во имя своей страны. Данный штрих примечателен тем, что идея защиты своей территории – признак типологически более позднего происхождения ее носителя. Алпы также будут активно действовать, однако это персонажи более древнего происхождения, они не имеют столь явной определенности в своих приоритетах и могут выбирать позицию произвольно: кто-то из них окажется на стороне эльбир, а кто-то – на противоположной. Это активное взаимодействие – уникальный художественный прием, использованный Микаилом Башту для усиления динамики сюжета.

Автор «Сказания о дочери Шана», Микаиль Башту, является первым по этому, который обратился к интерпретации мифопоэтического творчества тюрков в контексте ислама, при этом не отвергая полностью элементов системы доисламских представлений своего этноса, а адаптируя их по мере возможности к идеологической системе новой для этнической массы монотеистической религии. Помимо прочего, «Сказание» интересно еще и тем, что оно стало литературным источником более поздних произведений тюркских авторов: Низами, Навои и др. Правда, свидетельств его прямого влияния нет ни в каких источниках, однако многие косвенные признаки, в частности, представляется довольно очевидной преемственность идейно-нравственного и духовного, а также изобразительно-выразительного плана.

Здесь древнетюркские мифы трансформировались в поэтическую эпопею, базирующуюся на идее единобожия и сыгравшую свою важную роль в деле исламизации значительной части языческого Востока. Плоды деятельности Микаила Башту отражены во многих древнетюркских и арабских летописях. Как

явствует из содержания дастана, Микаиль Башту обладал не только незаурядным поэтическим дарованием, но и тонким знатоком человеческой психологии. Благодаря этой способности он поступательно и с большим тактом подводит читателя к мысли, что единственная истина и единственная ипостась любви – это любовь к Аллаху. От нее проистекает все остальное. Сверхзадачу своего дастана – обращение язычника в мусульманскую веру – поэт решает внушением этой идеи в сознание и конкретного лица, и через это – всей аудитории. Достигается это с помощью целого ряда художественных приемов, среди которых важное место отведено сновидению.

Так, уставший Ат заснул и увидел сон, который явил ему Гали – «Лев Аллаха» (в приводимом фрагменте очень важна роль тропов, но в связи с тем, что в разноструктурных языках не всегда удается в переводе сохранить тот же прием, что и в источнике, мы вынуждены пояснять это в скобках):

Во сне тот,
Кто с благословения Творца
Приходит на помощь гибнущим –
Лев Аллаха (*сравнение*) Гали –
Явил Аудану
Чудесное видение (*эпитет*).
И Ат увидел
Ту самую деву.
Она была необычайно красива (*гиперболический эпитет*).
Нет слов, с помощью которых (*гипербола*)
Можно было бы верно
Описать ее черты.
Ее тело
Дышало чистотой (*метафора*),
Глаза ее лучились (*метафора*),
Сладостное томленье (*метафорический эпитет*).
Губы ее источали (*метафора*)
Медовый аромат (*метафорический эпитет*),
Волосы ее блестели,
Словно кристаллы льда (*сравнение*).
Теперь он знал,
Что дева есть.
Теперь радость
Разрывала его сердце (*гипербола*).
Тяжелая кручина (*метафора*),
Иссушавшая душу (*метафора*),
Уступила место любви,
Пробудившей огненные силы (*метафора*).
Тулпару прибавилось работы.
Ат вновь,
Как молодой волк (*сравнение*)
За своей добычей,
Кинулся на поиски
Дороги к той,
Которую жаждала
Его пылающая душа (*метафора*).

С точки зрения авторского стиля данный фрагмент предполагает различие двух факторов: материализованного предметного мира и «внематериальной» глубины, достигаемой не чем иным, а путем собственной интерпретации мифологического материала (своего рода индивидуальное авторское мифотворчество). Прежде всего акцентируется внимание на тесной взаимосвязи между традиционными представлениями и их авторской интерпретацией, своеобразной авторской систематизацией. При этом, естественно, традиционный устнопоэтический стиль претерпевает определенную трансформацию, поскольку он должен соответствовать личностной концепции поэта, создающего письменный текст. Но при такой творческой переориентации стиля не может не возникнуть некоторых противоречий. Помимо того, и автор письменного произведения вынужден учитывать, что его текст будет не только прочитываться «про себя», а будет оглашаться перед определенной аудиторией. Противоречия обнаруживаются поэтому вне реального текста – в так называемом втором сюжетном плане, в прямо не называемых, но легко подразумеваемых из самого контекста эпизодах, взаимоотношениях между героем и персонифицированной высшей силой, с одной стороны, и противостоящим ему антагонистом – с другой.

Стиль Микаила Башту, таким образом, это органическое сочетание простого подражания зримому и известному (в данном случае, народным преданиям и мифологическим нарративам) и личностного творчества самого поэта, при котором улавливается этиология конкретных предметов в культурном пространстве человека. А.Ф. Лосев так определяет его: «Собственно словесный стиль (отношение автора к языку) есть только отражение на данной природе материала его художественного стиля (отношения к жизни и миру жизни и обусловленного этим отношением способа обработки человека и его мира)» [Лосев 1960, 114].

Еще один эпизод, связанный с Боз-би, также воспроизводится путем использования приема сновидений. И на этот раз увидел Ат во сне Боз-би, и это предопределило его поступки в реальном мире. Но тот сон – особенный, потому что на пути к возлюбленной Ат встретил уже двух мусульман, и второй из них, Хасан, чуть было не обратил Ата в ислам, вернее, почти обратил. Однако это «почти» делает действие не решающим шагом, а лишь первым движением в нужном направлении. Таким образом, автор использует прием ретардации и тем самым позволяет читателю представить всю глубину духовных исканий героя: сославшись на то, что у него нет времени, Ат отказывается сказать сакральное «нет бога, кроме Аллаха» и отправляется в путь, так пока и не став окончательно правоверным. Все же духовное движение уже началось, и зерно истины Хасан все же заронил в душу молодого эльбира. И вот когда после кораблекрушения Ат Аудан, оставшийся один в живых, засыпает на берегу, а перед этим он вспомнил Хасана и Аллаха, ему и снится сон о Боз-би. Здесь уже откровенный намек автора на то, что без веры в Аллаха Аудану не суждено найти возлюбленную и не познать подлинную любовь. Однако и она тоже язычница. И поэтому сон Ата пока еще не идиллический, а скорее кошмарный:

Заснул от усталости.
Перед тем, как заснуть,

Невольно вспомнил о Тарвиле и Хасане,
Подумал об Аллахе –
И увидел во сне Боз-бию.
Она мылась в бане в клубах пара
И была совершенно нагой.
Сквозь тонкую кожу ее
Видны были трепещущие сердце и жилы.
Она мазала белое тело
Соком сладких ягод и медом,
Издавала благоухание,
Пьянящее голову.
Не выдержал Ат –
Нежно позвал ее во сне.
Как будто слышала она –
Закрыла свою наготу.
Закрыла золотыми волосами –
Они были ей по колена,
Распространяли вокруг
Волшебное сияние...
...Побрела Боз-би,
Рыдая от горя,
Куда глаза глядят –
Прочь от родного дома.
В пути схватила ее
Безобразная див-Мышь
И уволокла в подземелье
Рвущуюся и кричащую деву.
Страшно вскричал Ат
И тут же проснулся.

Итак, к началу третьей части «Путь к дому Шана» автор дастана уже не скрывает своего намерения, своей сверхзадачи, поставленной в произведении, а именно – намерения обратить массу язычников, в данном случае – тенгрианцев, в ислам. И действительно, Аудан не мог найти и спасти Боз-би, пока сам не примет ислам, что произошло благодаря Хасану и его жене Фатиме. А когда он нашел возлюбленную, то и она отбросила последние сомнения и приняла ислам.

Семантическое поле эпизода, посвященного этому событию, – ключевой момент всей поэмы, потому что именно здесь читатель наконец-то понимает, что любовь всех персонажей неразрывно связана с вероисповеданием, ибо нет земной любви без любви к Единому Богу. Это и есть та стержневая идея, которую стремиться со всей убедительностью внушить поэт в сознание читателя и всей массы единоплеменников. Помимо того, путь к истинной вере не может быть ровной дорогой: чтобы обрести ее и уверовать в истинное учение пророка, надо преодолеть многие сомнения и препятствия, надо очистить свою душу и наполнить ее подлинной любовью. Отсюда и приемы замедления действия, усложнения сюжета, использования вставок, поэтических отступлений. Только тогда, когда человек, преодолевая препятствия, разрешая сомнения, обнаружит истину, по мнению автора, красота духовная по-настоящему облагораживает красоту земную, как и облик самого человека.

Постигнув это, становится понятным, почему первые люди были уродливы, почему Боян-Имэн и Бойгала были несчастливы, а Аудан Дуло и Боз-би наконец-то обрели истинное счастье. Автор убеждает, что только принятие ислама и любовь к Аллаху могут наполнить счастьем человеческую любовь. Таким образом, любовь земная трактуется как отражение духовного единения с Аллахом, с любовью к Нему. Это – авторское кредо, его мировоззрение, его позиция, интерпретируемая как сверхзадача дастана. Таким образом, художественный стиль произведения, традиционный в своей основе, приобретает новое для своего времени идеологическое наполнение и тем самым обретает подлинное совершенство, достигаемое идеальным сочетанием содержания и формы.

Еще один мифо-фольклорный и исторический персонаж привлекает внимание в дастане, это – образ Фатимы. Согласно исламскому преданию, она дочь самого пророка Мухаммеда. Ее роль в поэме о Шан-кызы очень важна по той причине, что именно благодаря ей вчерашние язычники-эльбиры и сама Боз-би окончательно прозревают и принимают ислам, тем самым обретая истинную любовь.

Женские образы, присутствующие в тюркской мифологии, вообще традиционно имеют особое социокультурное значение в формировании общественной модели представлений о жизни всего коллектива. Силы добра, зла, любви, продолжения рода, выраженные в едином концепте «женщина» указывают на древнейшие культурные пласты верований тюрков. С принятием же новой религии эти идеи не отвергаются, трансформация образов из ранних верований в божественные силы исламского толка обретает свое новое содержание. Это помогает проследить в рельефных поэтических образах, как тюркские народы переходили из одной религиозной ипостаси в другую, при этом не утрачивая своего этнокультурного кода и в то же время всецело принимая каноны новой для себя монотеистической веры. С утверждением мусульманской идеологии среди тюркских народов изменился характер содержания и трактовки многих легенд: прежнее мифологическое объяснение происхождения явлений природы вытесняется мусульманско-религиозной интерпретацией, а затем и вовсе переходит в разряд литературной трактовки текстов. Поэтому, женские образы мифологии превращаются из культовых в художественные, из сферы сакральных представлений в секулярные, что дает нам основание для их характеристики концептуально в рамках литературоведческого анализа.

Заключение

Как автор определил жанр своего творения, «Сказание о дочери Шана» – это дастан (или поэма). Современные исследователи не оспаривают этого, поскольку все родовые признаки дастана в данном случае налицо. Однако всякое произведение призвано иметь и свои собственные особенности, укладывающиеся в каноны традиционной системы дефиниций, но вместе с тем обозначающие его неповторимость и своеобразие. Мы полагаем, что одним из важных обстоятельств данного плана надо признать отраженный судьбоносный этап в истории тюрков – отказ от традиционного языческого многобожия и принятие ислама вместе со всей его мировоззренческой системой. Более того, дастан и сам

является идеологическим проводником новой религии. Примечательно, что ни в описаниях событий, ни в авторских отступлениях, внимание не заостряется на антагонических противоречиях между двумя идеологическими системами. Напротив, поэт вплетает в повествование примеры аккумуляции древнетюркских мифологических образов и представлений новой, «надэтнической» религиозной системой. Это как бы еще одна грань проявления вселенской любви, начинающейся с признания единого божества. бесспорным достоинством автора, свидетельством его высокого мастерства является то, что события глобального масштаба (распространение ислама в огромной этноязыковой массе, имеющей собственную историю и культурные достижения) и истории конкретных личностей органически сочетаются в поэтическом тексте, образуя единое, художественно завершенное целое. Это происходит благодаря тому, что все события и перипетии судеб отдельных героев, нередко с описаниями историй конкретных лиц, образующими множественные сюжетные ответвления, переплетаясь, образуют единое эпическое повествование, стержнем которого является основная идея – принятие ислама как веры и как воплощения вселенской любви – к Аллаху, а через это признание всей монотеистической мировоззренческой системы, в основе которой лежит любовь ко всем его созданиям.

Изложенное позволяет признать справедливость суждения, изложенного проф. З.Н. Акавовым о том, что, во первых, «Сказание о дочери Шана» имеет выраженные признаки эпоса, а во вторых – оно заслуживает быть признанным как один из шедевров мировой культуры, достойный того, чтобы войти в орбиту внимания ученых разных профилей [Акавов 2003, 6-7]. Это особенно актуально в переломные периоды эволюции человеческого сообщества, когда всякая историко-культурная ценность особенно значима для дальнейшего развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абдуллатипов 2004 – *Абдуллатипов А.К.-Ю.* Древнебулгарский памятник. «Сказание о дочери Шана» Микайля Башту как свидетельство древнейших связей народов Евразии и их словесной культуры // Вестник ДГУ. Серия «Гуманитарные науки». – 2004. – № 4. – С. 20-25.

Акавов 2003 – *Акавов З.Н.* «Сказание о дочери Шана». Поэма // Раннесредневековый художественно-литературный памятник и исторический памятник народов Древней (Киевской) Руси и Северного Кавказа. Предисловие к изданию. – Махачкала: б/и, 2003, – С. 45–50.

Кадыраджиев 2003 – *Кадыраджиев К.С.* Древнекумыкский теоним Хорс // Вести Кумыкского научно-культурного общества. – Махачкала, 2003. – С. 75-80.

Микаиль Башту 2003 – *Микаиль Башту.* Сказание о дочери Шана. Древнебулгарский эпос. – Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет, 2003. – 260 с.

Лосев 1960 – *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. – М.: Искусство, 1960. – 624 с.

Халипаева 1994 – *Халипаева И.А.* Мифологическая проза кумыков. Исследования и тексты. – Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет, 1994. – 212 с.

REFERENCES

ABDULLATIPOV A.K.-YU. *Drevnebulgarskii pamyatnik. «Skazanie o docheri Shana» Mikailya Bashtu kak svidetel'stvo drevneishikh svyazei narodov Evrazii i ikh slovesnoi kul'tury* [The ancient Bulgarian monument. "The Tale of the Daughter of Shan" by Mikail Bashtu as a witness to the ancient ties of the peoples of Eurasia and their verbal culture]. In: Vestnik DGU. Seriya «Gumanitarnye nauki». – 2004. – № 4. – P. 20-25. (In Russ.).

AKAVOV Z.N. «*Skazanie o docheri Shana*». *Poema* ["The Tale of the Daughter of Shan." The poem]. In: *Rannesrednevekovi khudozhe-stvenno-literaturnyi pamyatnik i istoricheskii pamyatnik narodov Drevnei (Kievskoi) Rusi i Severnogo Kavkaza. Predislovie k izdaniyu*. – Makhachkala: b/i, 2003, – P. 45–50. (In Russ.).

KADYRADZHIEV K.S. *Drevnekumyjskii teonim Khors* [The ancient Kumyk theonym Horse]. In: *Vesti Kumyjskogo nauchno-kul'turnogo obshchestva*. – Makhachkala, 2003. – P. 75-80. (In Russ.).

Mikhail' Bashtu. Skazanie o docheri Shana. Drevnebulgarskii epos [The legend of the daughter of Shan. The Ancient Bulgarian epic]. – Makhachkala: Dagestanskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2003. – 260 p. (In Russ.).

LOSEV A.F. *Istoriya antichnoi estetiki* [The history of ancient aesthetics]. – M.: Iskusstvo, 1960. – 624 p. (In Russ.).

KHALIPAeva I.A. *Mifologicheskaya proza kumykov. Issledovaniya i teksty* [The mythological prose of the Kumyks. Research and texts]. – Makhachkala: Dagestanskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 1994. – 212 p. (In Russ.).

Информация об авторах

И.А. Халипаева – доктор филологических наук, профессор.

Б.А. Берберов – доктор филологических наук.

А.М. Гутов – доктор филологических наук, профессор.

Information about the authors

I.A. Khalipaeva – Doctor of Philology, Professor.

B.A. Berberov – Doctor of Philology.

A.M. Gutov – Doctor of Philology, Professor

Вклад авторов: Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации, авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: All the authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication, the authors declare that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 26.08.2024 г.; одобрена после рецензирования 10.09.2024 г.; принята к публикации 25.09.2024 г.

The article was submitted 26.08.2024; approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 25.09.2024.